

НАЧАЛО НАУЧНОГО ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ ВОСЕМНАДЦАТОГО СТОЛЕТИЯ ПРОБЛЕМ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ГЕОПОЛИТИКИ

© 2012 Ю.Н. Смирнов

Самарский государственный университет

Поступила в редакцию 11.05.2012

Важной чертой русской истории и культуры 18-го столетия было зарождение и становление различных отраслей научного знания, в т.ч. регионоведения и геополитики. Их развитие происходило под воздействием достижений исторической, географической и экономической мысли. Важную роль в повышении общественной значимости региональных и глобальных исследований сыграли И.К. Кирилов, Г.Ф. Миллер, М.В. Ломоносов, П.И. Рычков, В.Н. Татищев и другие российские ученые того времени.

Ключевые слова: История России XVIII века, русская историография, регионоведение, геополитика, история науки, история русской культуры.

Наряду со становлением таких классических академических наук, как история или география, в России XVIII века проходило зарождение ряда новых интегрированных, направленных преимущественно на практические нужды дисциплин, в т.ч. регионоведения и геополитики. Данные отрасли знания получили начало своего научного изучения в трудах тех же людей, которых принято считать в числе первых российских историков, географов, статистиков, экономистов. В данной статье уделено внимание истории того, когда и как научные подходы стали применяться при исследовании прошлого и настоящего отдельных российских земель, при осмыслении места и интересов России в окружающем мире.

В подобного рода исследованиях, особенно восточных окраин страны, важную интегрирующую роль сыграли труды Герарда Фридриха Миллера (1705-1783), его издательская деятельность и тесные контакты с другими выдающимися учеными, как профессиональными, так и теми, кто обратился к науке, находясь на практической службе по гражданскому, военному или морскому ведомству. Будучи выходцем из Германии, Миллер отдал свои таланты и силы становлению научных знаний в России и о России, ставшей для него новой родиной. Свою автобиографию, написанную за 8 лет до смерти, он закончил так: «Итак, служу я Российскому государству пятьдесят лет (с 1725 г. – Ю.С.) и имею то удовольствие, что труды мои от знающих людей несколько похваляемы были. Сие побуждает во мне желание, чтобы с таковым же успехом и с общенародною пользою продолжать службу мою до последнего часа моей жизни»¹.

*Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой документоведения.
E-mail: smirnov195503@yandex.ru*

Миллер стал одним из первых сотрудников Петербургской академии наук, являлся основателем научной и научно-популярной журналистики в России, был в числе создателей русской картографии, археографии и научного архивоведения. Он получил известность своими историческими, географическими и этнографическими исследованиями. Миллера можно считать родоначальником российского регионоведения как комплексной дисциплины, охватывающей изучение истории и этнографии, географии и природных богатств, статистики и экономики отдельных территорий. Существенна его роль в разработке и реализации геополитических проектов, особенно связанных с Сибирью и Дальним Востоком².

Огромна также вклад Миллера в пропаганду, популяризацию, обобщение достижений и открытий россиян - своих современников и предшественников. Самый известный пример – найденные и опубликованные им документы о плавании Семена Дежнева в 1648 г³.

Вклад ученых Академии наук в развитие и обнародование научных работ, проводившихся вдали от столиц, наглядно можно показать на примере переписки Миллера с Петром Ивановичем Рычковым (1712-1777). За ней еще полтора века назад была признана исключительная ценность для истории отечественной науки и культуры⁴.

Переписка Миллера с Рычковым началась в 1757 г. Прежде судьба не сводила их вместе, хотя в их жизненных путях проскальзывали неслучайные совпадения.

В 1733 г. Миллер, воспитанник Лейпцигского университета, молодой профессор, издатель газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» и первых российских журналов на русском, латинском, немецком языках, оставил столицу ради странствия по Сибири в составе Второй Камчатской экспеди-

ции. Год спустя в Оренбургскую экспедицию отправился Рычков, за плечами у которого был «курс наук» русского купеческого сына: домашнее обучение чтению, письму, счету да служба-ученичество у иностранных предпринимателей.

Самым большим совпадением их судеб стало то, что оба они были хорошо знакомы с Иваном Кирилловичем Кириловым (1695-1737), обер-секретарем Сената, крупным ученым (экономистом, статистиком, географом, картографом) своего времени. Его важнейшую роль в подготовке и осуществлении Второй Камчатской и Оренбургской экспедиций впоследствии отметят в сочинениях по истории освоения северо-востока и юго-востока России как Миллер, так и Рычков⁵. Оба они попали в состав участников этих экспедиций при прямом содействии Кирилова.

Вместе две экспедиции были составными частями общего геополитического проекта Кирилова, который был направлен на расширение если не пределов, то влияния Российской Империи в Азии до Индии, а в Америке до мексиканской границы⁶. Следует вспомнить ситуацию второй половины XX в., когда Индия стала важнейшим стратегическим партнером СССР в Азии и территорию двух стран разделяло совсем небольшое расстояние, а наши вооруженные силы действительно находились на американском континенте, берегах, правда, не в Калифорнии, как предполагалось за 250 лет до этого Кириловым, а на Кубе. Не столь важно, был ли в целом план Кирилова авантюрой, утопией или примером необыкновенной прозорливости, однако непосредственные итоги обеих экспедиций оказались удачными и в политическом отношении из-за расширения российских владений, и в научном за счет выдающихся открытий.

Выдвигая подобные проекты, любой ответственный чиновник в России подразумевал, что в случае их принятия именно на него возложат обязанности по их выполнению. Определить же Кирилова могли только к руководству сухопутной уральско-центральноазиатской частью его проекта, что и случилось, когда он стал начальником Оренбургской экспедиции. На тихоокеанский участок в качестве руководителя он попасть не мог за незнанием морского дела и потому, что там ведущую роль играли со времен Первой Камчатской экспедиции В. Беринг и А.И. Чириков. Кульминацией их плаваний стал 1741 год, когда русские, наконец, достигли Америки, чего не дождался умерший к тому времени Кирилов.

Исследование внутренних сухопутных районов Сибири и Дальнего Востока велось специальными отрядами, названными «академическими». Их неофициальным руководителем и координатором стал Г.Ф. Миллер. Он оказал

ся единственным из всех участников экспедиции, кто за 10 лет посетил все уезды и города Урала и Сибири⁷.

В 1743 г. Миллер и его товарищи по академическим отрядам Второй Камчатской или, как ее стали по праву называть, Великой Северной экспедиции вернулись из Сибири в столицу. Ведущую роль в обработке бесценных сведений сыграл именно Миллер. Можно согласиться с его словами: «Всему путешествию сочинил я точное описание»⁸.

В 1744 г. был подписан указ об образовании Оренбургской губернии. В ее администрацию переходили сотрудники прекращавшей свою деятельность Оренбургской экспедиции, включая Рычкова, отдавшего всю жизнь освоению и изучению этого края, в состав которого вошло современное Оренбуржье, основная часть нынешних Самарской и Челябинской областей, Башкирии, территории Западного и Северного Казахстана.

За годы странствий Миллер превратился в крупнейшего специалиста по истории, географии и этнографии России, обогатив теоретическую подготовку навыками архивных и полевых исследований. Рычков за это время вырос как исследователь, пройдя научную школу, стоившую целого университета, под руководством своих непосредственных начальников по Оренбургской экспедиции, Кирилова и другого выдающегося русского государственного деятеля и ученого Василия Никитича Татищева (1686-1750).

Малоизвестный в Петербурге советник оренбургской губернской канцелярии уже в 1744 г. по самым горячим следам и на основании документов, с которыми лично работал и в составлении которых участвовал, закончил в основном «Известие о начале и о состоянии Оренбургской губернии и о делах киргиз-кайсаков, зюнгорцев и делах других смежных с оною губерниею народов». Затем к основному тексту «Известий» были дописаны «Прибавления» за 1744-1750 гг.⁹

Сочинения эти имели хождение в рукописях и были доступны небольшому кругу читателей¹⁰. Имя автора в списках отсутствовало, оставаясь для многих неизвестным.

В 1755 г. для Атласа Оренбургской губернии Рычков пишет обстоятельный пояснительный текст историко-этнографического и географо-статистического содержания. Впоследствии он станет первой частью «Топографии Оренбургской», образцового для науки XVIII-начала XIX века описания большого региона¹¹.

Чтобы открыть образованной России научное творчество Рычкова и результаты его иссле-

дований, нужна была помощь Академии наук. Первым ее внимание на своего бывшего сотрудника обратил Татищев. Он переслал для сведения академиков ряд писем и статей Рычкова, просил поощрить того в научных занятиях. Сам Рычков обращался к Михаилу Васильевичу Ломоносову (1711-1765) за поддержкой для публикации карт Оренбургской губернии и описания к ним. Академическая конференция в 1755 г. по представлению Ломоносова одобрила труд оренбургских картографов и Рычкова, но до издания дело не дошло.

Реальную помощь Рычков получил благодаря Миллеру, который возобновил в том же 1755 г. выпуск научно-популярного журнала на русском языке «Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие». В поисках материалов и авторов Миллер обратился к архиву Академии наук, где обнаружил статью без подписи «Разговоры о коммерции». Ее он поспешил опубликовать уже во втором (февральском) номере журнала и в нем же обратился к неизвестному автору с предложением о сотрудничестве и просьбой прислать продолжение статьи. Увидев впервые свою работу в печати, Рычков заявил об авторстве и вступил в активную переписку с Миллером.

Миллер дал статье Рычкова при издании другое, более живое название «Переписка между двумя приятелями о коммерции»¹². Видимо, академику принадлежит и мысль заменить в публикации громоздкое название «Известия о начале и о состоянии Оренбургской комиссии...» на ставшую знаменитой «Историю Оренбургскую».

Миллер, уже известный автор «Истории Сибири» и путевых записок по ней, как никто другой из российских академиков смог понять ценность исторических и географических обзоров, выполненных Рычковым, значение этих и подобных им сочинений для изучения и освоения российских регионов. Он проанонсировал будущие публикации «Истории» и «Топографии Оренбургской», в феврале 1757 г. уведолив читателей журнала о том, что им предстоит знакомство с уникальными по качеству и достоверности исследованиями региона: «Едва остается надежда, чтоб обстоятельная история и достаточное описание России могли когда на свет быть изданы, разве во всякой губернии будет человек, искусством и прилежанием подобной господину советнику Рычкову в Оренбургской губернии». Итоги изучения Рычковым юго-востока России Миллер сопоставлял по значению с результатами Второй Камчатской экспедиции¹³.

В 1759 г. Миллер в одиннадцати номерах «Ежемесячных сочинений» осуществил полную публикацию «Истории Оренбургской». То же

самое повторилось в 1762 г., когда в одиннадцати номерах была напечатана «Топография Оренбургская». Кроме этих капитальных трудов Миллер продолжал публиковать отдельные статьи Рычкова.

Подводя итоги своей деятельности, Миллер считал: «Может быть изо всех моих сочинений сие (журнал «Ежемесячные сочинения» – Ю.С.) есть наиболее полезное для российского общества». Среди главных заслуг журнала он подчеркивал то, что, благодаря его публикациям, «некоторые российские любители наук, как господин тайный советник Соймонов (автор первого научного описания Каспийского моря – Ю.С.) и господин статский советник Рычков, оными поощрены были и свои труды для общей пользы к оным приобщить»¹⁴.

Рычков при поддержке Миллера и Ломоносова стал первым и оставался до 1776 г. единственным членом-корреспондентом Петербургской Академии наук. Полученное звание еще более стимулировало участие Рычкова в проектах, осуществляемых Академией наук.

В 1763 г. Рычков ответил на предложение Миллера составить описание всего государства тем, что он готов дать лишь введение к такому описанию, а также, возможно, подготовить Топографии Казанскую и Астраханскую как будущие части всероссийской географии. Работа Рычкова над материалами по югу России привела к появлению «Введения к астраханской топографии». Оно было опубликовано за счет Вольного российского собрания – литературного общества при Московском университете¹⁵.

Из занятий описанием Казанской губернии выросло сочинение «Опыт казанской истории древних и средних времен», изданное Академией наук. Рычков сообщал Миллеру, что он в новой книге «имя ваше употребил, не согласясь с вами: за скоростию сие сделал из благодарности и почтения моего к вам»¹⁶.

Рычков писал, возвращая Миллеру десятилетней давности авансы в свой адрес, о том, что «общая история» огромной России «по множеству ее провинций» обязательно требует «особенных описаний» каждой из них. Среди уже имеющихся региональных исторических исследований он называет собственные «Историю» и «Топографию», сочинения Миллера по истории Новгорода и Сибири, а также «Описание земли Камчатки», составленное С.П. Крашенинниковым по инструкциям И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера, а последним еще и отредактированное и подготовленное к изданию¹⁷.

Рычков вслед за Миллером считал, что результаты исследований отдельных регионов в будущем должны слиться в единое описание ве-

ликой России, которое само по себе невозможно без предварительного изучения ее территорий. Появление в печати трудов Рычкова, Миллера и Крашенинникова, несомненно, стимулировало создание исследований о других землях и губерниях России в конце XVIII-начале XIX в¹⁸.

Когда Миллер издал со своим предисловием, прибавлениями и редакторской правкой Географический лексикон Российского государства, составленный еще одним любителем наук из провинциального чиновничества, воеводой г.Верей Ф. Полуниным, то Рычков решил составить «лексикон» Оренбургского края, полагая, что «сей одной здешней губернии лексикон может служить образчиком и для других губерний». Словарь, по ходу работы над которым Рычков советовался с Миллером, заслужил награду от императрицы, но остался неопубликованным и считался утерянным, пока его список не был обнаружен в архиве в 1948 г¹⁹.

Вместе с тем ветераны российского регионоведения продолжали с большим вниманием следить за ходом новых научных экспедиций и их результатами. Так, в 1768-1770 гг. у Рычкова в его оренбургском имени Спасское или в доме в самом Оренбурге побывали все руководители и самые видные участники академических экспедиций (И.И. Лепехин, П.С. Паллас, В.Л. Крафт, Г.М. Ловиц, Х. Эйлер, И.П. Фальк, И.Г. Георги), получившие от хозяина ценную информацию и различные материалы²⁰. Устраивая в ту же академическую экспедицию своего сына Н.П. Рычкова, Рычков-старший в качестве жеста уважения и признательности отправил его с рекомендательными письмами сначала в Москву к Миллеру, а только затем в Петербург к Академии наук²¹.

В общем русле поиска путей реализации глобальных интересов России и возможностей развития ее частей с особым вниманием к восточным и северным окраинам формировались геополитические и регионоведческие взгляды Ломоносова²². Однако они складывались в целом самостоятельно вне традиции, представленной Кириловым, Миллером, Рычковым. Принципиальные расхождения особенно заметно сказались в вопросе о значении Северного морского пути.

Огромные расстояния и сложные пути сообщения создавали между определившимися казахстанско-среднеазиатским и тихоокеанским направлениями расширения геополитического пространства России слабое звено. За рубежом даже подозревали, что в отчеты русских путешественников лично Г.Ф. Миллером, дабы отпугнуть европейских мореплавателей от поиска прохода из Тихого в Ледовитый океан, вставлены заведомо преувеличенные данные о протяженности сибирских пределов на восток, пока

плавание Дж. Кука в 1778 г. не развеяло этих предубеждений.

К задаче преодоления этих громадных расстояний было предложено два основных подхода. Ломоносов отстаивал идею о возможности преодолеть за одну навигацию путь из Архангельска до Чукотского полуострова. По его мнению, «российское могущество прирастать будет Сибирью и Сибирским океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и Америке», когда «желаемый путь по Северному океану на восток откроется», а «сухой путь» по Сибири будет использоваться в качестве вспомогательного к «морскому ходу»²³. Однако он допустил ошибку, предполагая наличие свободного ото льда моря в самых северных широтах. Его идеи оставались технически не осуществимыми до появления мощных ледокольного и подводного флотов в XX в.

Миллер составил более адекватное своему времени мнение о возможностях Северного морского пути: тяжелое плавание вдоль побережья не менее чем за 3-4 навигации. Зная о всех трудностях, «перспективы освоения русскими мореплавателями бассейна Тихого океана он связывал с развитием экономики Дальнего Востока, со строительством здесь портов и судов, с использованием судоходства по Амуру». Продвижение на Тихий океан оказывалось в зависимости от геополитического размежевания России и Китая, которое, как предполагал ученый, должно было пройти по Южному Алтаю, границе между Внешней и Внутренней Монголией, Амуру. При этом «геополитическими проектами Миллера предусматривалось также интенсивное земледельческое освоение русскими крестьянами всех южносибирских территорий»²⁴.

На самом деле планы исследователей восточных районов России не противостояли, а взаимодополняли друг друга или предлагали альтернативные варианты, каждый из которых был возможен в определенной технологической, социальной, политической ситуации. Стратегическая составляющая планов Кирилова, Миллера, и Ломоносова в течение XIX-XX вв. оказалась в основном реализованной, подтверждая состоятельность уже самых первых построений российских ученых в сфере геополитики. Их научная обоснованность обеспечивалась анализом перспектив развития российских регионов, проделанным на высоком для своего времени уровне, учитывая не только их историю и современное состояние, но и потенциальные возможности²⁵.

Вклад ученых XVIII века в зарождение регионоведения и геополитики как научных дисциплин является неоспоримым. Этому способствовали их личное участие в экспедиционной

работе, кропотливый труд в архивах столиц и отдаленных городов, теоретическое и практическое осмысление собранного материала. Немалое значение имело организационное и издательское содействие региональным и глобальным исследованиям, проводившимся в русской провинции, которое оказывала академическая наука, в результате этих контактов обогащаясь сама.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Миллер Г.Ф. Описание моих служб // *Голицын Н.В.* Портфели Г.Ф. Миллера. М., 1899. С.136, 148.
- ² Элерт А.Х. Сибирь и сибирские народы в геополитических проектах академика Г.Ф. Миллера // *Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований.* Вып.2. Новосибирск, 2000. С.77-84.
- ³ Очерки русской культуры XVIII века. Ч.3. М., 1988. С.89.
- ⁴ Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867. С.II-III; Записки имп. Академии наук. Т.8. СПб., 1866. С.46, 84.
- ⁵ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. М., 1996. С.67; Рычков П.И. История Оренбургская. Уфа, 2001. С.12-14.
- ⁶ См.: Проект обер-секретаря Ивана Кирилова о Камчатских экспедициях и об удержании в русском подданстве киргиз и способах управления ими // *Материалы по истории России.* Т.1. Оренбург, 1900.
- ⁷ Элерт А.Х. Герард Фридрих Миллер и научное открытие Сибири // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница. Ч.1. Екатеринбург, 2006. С.16.
- ⁸ Миллер Г.Ф. Описание моих служб. С.139.
- ⁹ Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. М., 1991. С.125-126; Смирнов Ю.Н. Ценный источник по истории отношений российских властей с башкирами, народами Казахстана и Средней Азии ("Экстракт именных указов" Оренбургской комиссии в 1734-1741 гг.) // Башкиры в составе Российской Федерации: история, современность, перспективы. Ч.1. Уфа, 2010. С.88-89.
- ¹⁰ Кроме списков «Известия (или как в некоторых вари-

антах – «Известий») о начале Оренбургской комиссии» и его «Продолжений», которые указаны в опубликованных указателях (см.: Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. С.243-244), нами были выявлены: ОР РНБ. Ф.166. Вяземский. Ф.44; ОР РНБ. Ф.905. НСРК. Ф.332; РГАДА. Ф.181. Оп.1. Д.53; РГАДА. Ф.181. Оп.1. Д.127.

- ¹¹ См.: Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999.
- ¹² Пекарский П.П. Указ. соч. С.19,23, 35-36.
- ¹³ Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. С.16.
- ¹⁴ Миллер Г.Ф. Описание моих служб. С.143.
- ¹⁵ Рычков П.И. Записки Петра Ивановича Рычкова // Русский архив. 1905. №1. С.334.
- ¹⁶ Пекарский П.П. Указ. соч. С.73, 75.
- ¹⁷ Миллер Г.Ф. Описание моих служб. С.143; Пекарский П.П. Указ. соч. С.76.
- ¹⁸ См.: Топографическое описание Калужского наместничества. СПб, 1785; Ларионов С.И. Описание Курского наместничества. М., 1786; и др.
- ¹⁹ Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. С.224; Пекарский П.П. Указ. соч. С.151-153.
- ²⁰ Артамонова Л.М. Исследовательская и просветительская деятельность русских ученых 1730-1770-х годов на юго-востоке России в ее взаимосвязях с изучением Сибири и других регионов страны // Три столетия академических исследований Югры. Ч.1. С.61-62.
- ²¹ Смирнов Ю.Н. Вклад научной журналистики XVIII века в изучение российских регионов (на примере сотрудничества Г.Ф. Миллера и П.И. Рычкова) // Вольтеровские чтения: материалы междунар. конференций. Вып.1. СПб., 2009. С.87.
- ²² Шубин С. «И наша достигнет в Америку держава». Ломоносов-геополитик и Русский Север // Родина. 2011. №9. С.51-53; Бызова Н. Арктический вектор. Ледовитый океан в исследованиях Ломоносова // Там же. С.54-56.
- ²³ Ломоносов М.В. Краткое описание разных путешествий по северным морям показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Избранные произведения. М., 1986. С.487, 490.
- ²⁴ Элерт А.Х. Герард Фридрих Миллер. С.24, 27.
- ²⁵ Смирнов Ю.Н. Споры патриотов. Ломоносов и его современники о путях освоения восточных и северных окраин России // Родина. 2011. №9. С.46-47.

THE BEGINNING OF GEOPOLITICAL AND REGIONAL STUDIES IN RUSSIA IN THE 18th CENTURY

© 2012 Y.N. Smirnov

Samara State University

The origin and the becoming of different branches of scientific knowledge including geopolitical and regional studies were the essential features of Russian history and culture of the 18th century. The development of the mentioned scientific branches was due to the progress of historical, geographical and economical thought. I.K. Kirilov, G.F. Miller, M.V. Lomonosov, P.I. Rychkov, V.N. Tatischev and other Russian scientists played an important role in rising of the social importance of regional and global studies.

Key words: Russian history of the 18th century, Russian historiography, regional studies, geopolitics, history of science, history of Russian culture.